

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: seleznev@mythk.ru

Намогильные орнаментированные столбы тоболо-иртышских татар – образ шаманского дерева-лестницы?

В статье рассматривается семантика орнаментального мотива резных деревянных намогильных столбов тоболо-иртышских татар – поперечных углублений-зарубок в верхней и средней частях, нанесенных вертикальными рядами по всему периметру сечения под углом к плоскости земли. Обсуждается гипотеза, что такие намогильные сооружения могут быть сопоставлены с вертикально устроенными объектами (деревья, столбы и т.п.), символизирующими лестницы, по которым шаманы совершали путешествие по мирам во время сеанса камлания. В подтверждение этой гипотезы приводятся сравнительные лингвистические, археологические и этнографические материалы. Лексические связи термина баган/багана, обозначающего столб, демонстрируют широкое распространение родственных слов в языках алтайской языковой семьи. При этом этимологически понятия «столб», «опора» и «ступень лестницы» связаны и составляют единый семантический блок. В археологических материалах изображения символических лестниц присутствуют на окуневских изваяниях, торгажакских гальках, петроглифах Центральной Азии и Южной Сибири. Данные изображения трактуются как отражение идеи пути или, более конкретно, лестницы для подъема духов и жрецов-«шаманов». Из этнографических материалов особое внимание привлекает форма лестниц в виде дерева, столба или бревна со специальными зарубками или перекладинами, образующими ступени. Наиболее полно такие объекты представлены в шаманских практиках тюркских групп южной Сибири (телеуты, шорцы) и северных селькупов. Отдельные детали – «винтообразная» траектория движения шамана вдоль дерева, а также нанесенные красной краской горизонтальные полоски – имеют полное соответствие с иконографией намогильных столбов тоболо-иртышских татар. Сравнительные данные свидетельствуют, что такие культурные феномены тюркских групп Западно-Сибирской равнины как шаманизм, составляющий основу доисламской мировоззренческой системы; а также традиции почитания жертвенных и священных деревьев и рощ, создают исходные предпосылки для формирования культа шаманского дерева-лестницы. Орнаментальный мотив поперечных зарубок на намогильных столбах является остатком данного культа.

Ключевые слова: намогильные орнаментированные столбы, тоболо-иртышские татары, семантика, шаманизм, дерево-лестница.

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: seleznev@mythk.ru

Ornamented Posts on Graves among the Tobol-Irtysh Tatars: Image of the Shamanic Ladder-Tree?

This article discusses the semantics of the ornamental motif of transverse grooves and notches made in vertical rows along the entire perimeter at an angle to the ground in the upper and middle parts of carved wooden posts which are set on graves among the Tobol-Irtysh Tatars. These structures above graves may be compared with vertical objects (trees, posts, etc.) which symbolized ladders for traveling through the worlds during shamanic rituals for shamans. Comparative linguistic, archaeological, and ethnographic evidence is provided in support of this hypothesis. Lexical connections of the term bagan / bagana, designating the post, demonstrate wide occurrence of the related words in the languages of the Altaic language family. Etymologically,

the concepts of “post,” “support,” and “step of the ladder” are connected, creating a common semantic block. According to archaeological evidence, images of symbolic ladders appeared on Okunevo steles, Torgazhak pebbles, and petroglyphs of Central Asia and Southern Siberia. These images can be interpreted as reflection of the idea of path or more specifically ladder for ascent of spirits and shamans. Ladders in the form of a tree, post, or log with special notches or crossbars forming steps are particularly notable among the ethnographic evidence. Such objects most fully appear in the shamanic practices of Southern Siberian Turkic groups (Teleuts, Shors) and Northern Selkups. Individual elements, such as “spiral” trajectory of shaman’s movement along the tree and horizontal stripes painted in red fully comply with iconography of posts set on graves among the Tobol-Irtysh Tatars. Comparative data confirms that shamanism as a cultural phenomenon of the Turkic groups on the Western Siberian Plain, which was the basis of the pre-Islamic worldview, as well as traditions of revering sacrificial and sacred trees and groves were prerequisites for emergence of the cult of shamanic ladder-tree. The ornamental motif of transverse notches on the posts on graves is a relic of this cult.

Keywords: *ornamented posts on graves, Tobol-Irtysh Tatars, semantics, shamanism, ladder-tree.*

Предлагаемая работа продолжает начатое в прошлогоднем выпуске настоящего издания обсуждение одного из наиболее ярких явлений народной культуры сибирских татар – резных деревянных намогильных столбов (*баган, багана*) [Селезнев, 2024]. В первой части мы затронули вопросы функционирования данного вида памятников, различные направления их историко-культурных связей, содержание и семантику орнаментального оформления. Тогда же было отмечено, что вариативность рассматриваемых сооружений проявляется не только на групповом или ареальном, но и индивидуальном уровнях. Иными словами, предметом увлекательного семантического и сравнительно-исторического анализа могут стать отдельный памятник или даже отдельный орнаментальный мотив. Данная работа посвящена одному из таких мотивов.

В ходе полевого обследования кладбища у д. Второвагай Вагайского р-на Тюменской обл. мы обратили внимание на поперечные углубления-зарубки в верхней и средней частях круглых в сечении намогильных столбов. Особенно ярко этот орнаментальный мотив был представлен на одном из столбов. Он был установлен внутри прямоугольного сруба, имел заостренную вершину конусовидной формы со знаками полумесяца и звезды. На срубе помещена фотография. Углубления были нанесены вертикальными рядами по всему периметру под углом к плоскости земли. Всего было выполнено пять рядов зарубок. Эти элементы декора отличались особой художественной выразительностью: ряды образовывали четкий ритмический рисунок; углубления были заполнены красной краской, контрастно выделяясь на светлом фоне столба (см. *рисунок, 6*).

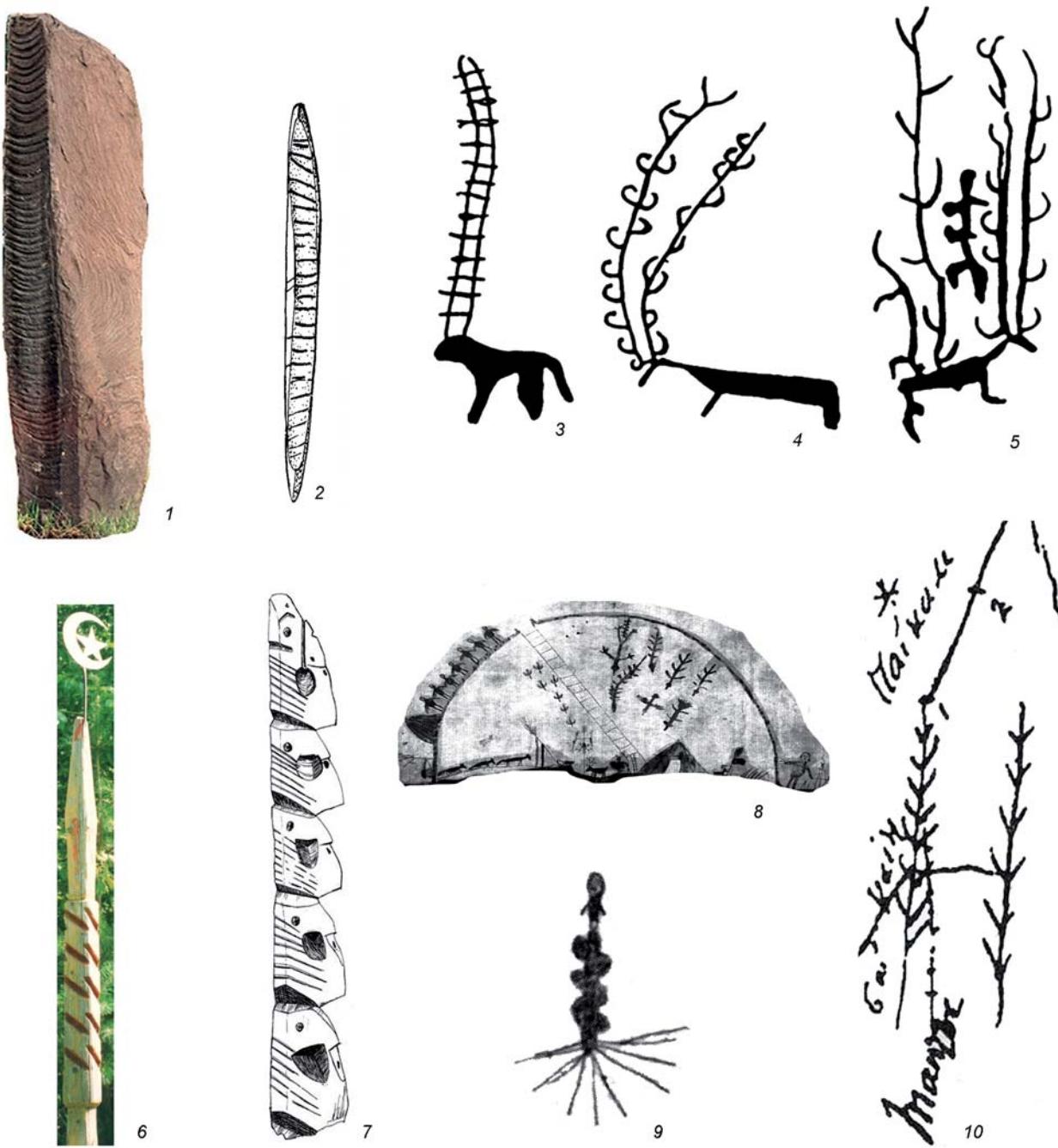
Более четверти века назад мы высказали предположение, что ключ к семантике намогильных столбов с этими зарубками обнаруживается при их сопоставлении с вертикально устроенными объектами (деревья, бревна, столбы и т.п.), символизирующими лестницы, по которым шаманы совершили свое восхождение во время сеанса камлания. Эта гипотеза стимулировала обращение к проблеме коммуникативных функций лестниц в мифе и ритуале, широко

представленных в самых разных культурах мира [Селезнев, 1999]*. Идея показалась продуктивной и, опираясь на наши материалы, некоторые исследователи использовали ее в своих историко-культурных реконструкциях [Барышев, 2011, с. 188–191; Мыльников, 2011, с. 20–21]. За истекший период появилась новая информация, позволяющая дополнить и расширить приведенную ранее аргументацию.

Косвенным доводом в пользу высказанного предположения выступают этиология и лексические связи термина, обозначающего намогильные столбы. Слова *баган/bagana/baksa/bakna/ро* и т.п. в значениях «столб, центральный столб, колонна, опора, подпорка, балка» и т.п. распространены в языках всех групп алтайской языковой семьи (трансъевразийской языковой общности): тунгусо-маньчжурских – эвенкийском, ульчском, нанайском; монгольских – халха, бурятском, калмыцком и др.; тюркских – киргизском, алтайском, тувинском, якутском и др.; корейском. Термин *bagan* в значении «кол, жердь, шест» вошел в пермские и уральские говоры русского языка. Весьма примечательно, что пратюркское **bakna* (~-g-) реконструируется со значением «ступенька лестницы» [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, р. 323–324]. Таким образом, понятия «столб», «копора», «колонна» и «ступень лестницы» составили один семантический блок. Впрочем, такая связка совсем не уникальна. Например, в болгарском лестница обозначается словом *стълбище*.

В то же время практически всегда объекты, обозначаемые словами, входящими в данный семантический комплекс, выполняют кроме сугубо утилитарной, еще и глубокую символико-ритуальную функцию. Например, в Средней Азии и Казахстане

* Впрочем, эта тема воистину неисчерпаема. Особый ее аспект был раскрыт в 2020 г., когда в рамках проекта «Воображаемый музей» был опубликован двухтомный труд выдающегося российского художника Михаила Шемякина [2020, т. 1, 2], посвященный воплощению образа лестницы в искусстве. Выполненный в работе обзор охватывает более 2000 изображений, из которых 768 непосредственно представлены в издании.

Изображения лестниц в Сибири и Центральной Азии по археологическим (1–5), и этнографическим (6–10) материалам (рисунки схематичные, без соблюдения масштаба).

1 – каменная (песчаниковая) плита, первоначальное местонахождение неизвестно, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, *фото А.Г. Селезнева*; 2 – торгажакская галька (по: [Савинов, 2003, рис. 21–2]); 3–5 – петроглифы (3 – Баян-энгер, Монголия, 4, 5 – Мозага-Комужак, Верхний Енисей (по: [Дэвлет, Дэвлет, 2005, рис. 138, 7, 8, 10])); 6 – намогильный столб (фрагмент), верхняя и средняя части, кладбище д. Второвагай Вагайского р-на Тюменской обл., *фото А.Г. Селезнева*; 7 – деревянная скульптура, о-в Вайгач (по: [Барышев, 2011, рис. 129]); 8 – изображение камлания над больным (фрагмент), показано, как шаман восходит по лестнице до радуги на небе, северные селькупы (по: [Прокофьева, 1961, рис. 4]); 9 – изображение шаманского дерева-лестницы с поперечными зарубками и корнями, северные селькупы (по: [Там же, рис. 2]); 10 – рисунок, изображающий путь к Ульгеню ширского шамана Какуша (фрагмент), показаны две священные березы *bai kai* и лестница-тапты над соответствующей подписью (по: [Функ, 2005, рис. 5]).

опорный шест юрты *бакан* во время сеанса камлания служил для восхождения шаманов на купол, где они и проводили общение с духами. Аналогично опора монгольской юрты *багана* в традиционном мировоззрении мыслилась сакральной осью связующей верх и низ; прошлое, настоящее и будущее. Подобные примеры можно продолжить (см.: [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 45]). В этой связи представляет интерес, что в некоторых населенных пунктах тоболо-иртышских татар орнаментированные столбы (*баган*), практически аналогичные намогильным, устанавливались в качестве опор для поддержания навеса над крыльцом жилого дома. Таким образом, сходные и однотипные объекты – орнаментированные столбы *баган* – использовались и в ритуальном, и в утилитарном контекстах. Типологическая аналогия этому явлению была открыта при исследовании Усть-Войкарского городища на севере Западной Сибири. Здесь массивные изваяния с антропоморфными личинами использовались в несколько необычном качестве – деталей жилищной конструкции. Авторы публикации приводят и другие аналогичные случаи [Гаркуша, Новиков, Бауло, 2022].

В археологических источниках образы лестниц известны с каменного века. Здесь, конечно, нельзя не упомянуть великолепные реалистичные изображения собирателей меда, взирающих на скалы с помощью веревочных лестниц. Рисунки относятся к Левантскому наскальному искусству поздне-палеолитического или неолитического времени с востока Иберийского п-ова. Изображение со стоянки *Барранко Гомес* (Теруэль, Испания) настолько достоверно, что исследователи уверенно реконструировали устройство лестниц-стремянок с ассиметричными двусторонними ступенями, которые до сих пор используются в альпинистской практике [Bea, Roman, Domingo, 2023, fig. 1, 5].

Как изображения лестниц трактуются многочисленные ряды прогнутых вниз скобообразных фигур, выбитых на боковых гранях некоторых плит и изваяний окуневской эпохи Хакасско-Минусинских котловин. Во второй половине 1990-х гг., находясь в этнографической экспедиции в Хакасии, мы осмотрели и сфотографировали одно из таких сооружений, установленное в знаменитом стеларии Хакасского национального краеведческого музея (см. *рисунок, 1*). По предположению Л.Р. Кызласова [1986, с. 196, рис. 93, 125], эти символические лестницы служили для восхождения на небо душ или жрецов-«шаманов». Очень похожие по форме ряды поперечных «скобчатых» фигур встречаются на боковых гранях некоторых орнаментированных галек из поселения карасукской культуры Торгажак (см. *рисунок, 2*). Д.Г. Савинов [2003, с. 63, рис. 21, 1, 2] полагал, что данные фигуры образуют идеограмму «лесенки», символически отображающую идею пути.

На некоторых петроглифах Монголии и Верхнего Енисея в виде шаманского дерева-лестницы изображены рога оленя. В одном случае даже показан антропоморфный персонаж, как бы вскарабкивающийся вверх по рогам как по лестнице [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 163, 168, рис. 138, 7, 8, 10] (см. *рисунок, 3–5*). Данная композиция будто буквально иллюстрирует нанайскую волшебную сказку о метком охотнике-стрелке Мэргене, который взбирается по рогам оленя (иногда более конкретно – изюбря) как по лестнице на небо, откуда возвращает жену и сына, забранных туда по требованию небесного божества и одновременно тестя Мэргена [Сем, 2020, с. 114].

В.П. Мыльников [2011, с. 20–21] обобщил информацию о знаменитых лестницах из Пазырыкских курганов, представлявших собой бревна со ступеньками-зарубками, а также решетках-лестницах с семью и более ступеньками-перекладинами, служивших для покрытия могил (гробов) в хуннских захоронениях Монголии и в сарматских погребениях на Южном Урале. Автор приходит к заключению, что помимо чисто утилитарного назначения эти предметы и погребальные конструкции могли выступать в шаманских практиках в качестве символических проводников между мирами живых и мертвых.

Обращаясь к этнографическим данным, необходимо остановиться прежде всего на случаях, когда символические лестницы в погребальном ритуале выступают в роли посредника между этим и иными мирами. В таком качестве лестница представлена в славянской мифо-ритуальной традиции [Агапкина, 2004, с. 101–102]. В Сибири типологически близкие представления были распространены в культуре тунгусо-маньчжурских народов. У ульчей на 9-й день после похорон в присутствии шамана рубили дерево, из которого делали идола мертвых *Калзами*, и лестницу – путь между мирами. Широко известен традиционный для одежды эвенов и эвенков «лестничный» орнамент, наносившийся на полы кафтанов. Этот орнамент символизировал комплекс понятий «лестница – дерево – птица», отражавший весьма сложную идею пути по Вселенной, а также круговорота жизни, смерти, нового рождения [Сем, 2007, с. 246; 2012, с. 477–478].

В контексте аналогий намогильным столбам с вертикальными вытянутыми углублениями, особое внимание привлекает форма лестниц в виде дерева, столба или бревна со специальными зарубками или перекладинами, образующими ступени, которые использовались для передвижения шамана по верхним и нижним мирам. В связи с рассматриваемой проблемой, необходимо остановиться на одном моменте методического характера. Исследователи обращали внимание на то, что образ мирового дерева может принимать разные формы, в т.ч., напр., и лестницы. Но при этом в мифopoэтическом сознании мировое дерево занимает самостоятельное место и обладает

определенным набором признаков, что ставит принципиальную преграду произвольным спекуляциям, порой практически безгранично расширяющим сферу функционирования и смысловое значение данного образа [Березкин, 2012; Напольских, 2012]. Но коли так, то статус достоверности обретает и обратное суждение. Лестница в мифо-ритуальном пространстве в принципе может замещать другие вертикально устроенные сакральные объекты. Но при этом она обладает самостоятельными функциями и положением, и в таком качестве должна рассматриваться как особый, не сводимый к другим сущностям феномен.

Деревья-лестницы известны в шаманской практике и фольклоре тюркских групп Южной Сибири, якутов, северных селькупов, некоторых групп эвенков и др. У якутских шаманов для путешествий в верхний и нижний миры использовались особые коновязи – *сэргэ*. Зарубки на этих коновязях, означали остановки шамана во время его путешествия. У алтайцев и шорцев зарубки *тапты* (ступени) вырубались на стволах священных берез, сосен, тальника. По этим зарубкам телеутские шаманы во время камлания поднимались по небесным слоям (*кат*; пратюркское: **kat*) Верхнего мира. Число зарубок обозначало слой неба, где обитает дух, которому совершалось камлание. Шаман поднимался на небо либо низвергался в морские глубины, двигаясь по ступеням вдоль дерева «винтообразно» [Дыренкова, 2012, с. 308, прим. 46; Функ, 2005, с. 110]. Эта деталь точно соответствует пространственному расположению зарубок на столбе с второвагайского кладбища, которые образуют фигуру, действительно напоминающую винтовую резьбу (см. *рисунок, 6*). Зарубки, обозначающие ступеньки для движения шамана на небо встречались также на рукоятях и обечайке бубнов алтайцев и селькупов. Столбы с прорисованными красной краской полосками (ср. с заполнением красной краской зарубок второвагайского столба) устанавливались тувинскими и шорскими шаманами в ходе ритуалов, направленных на исцеление больного [Балалаева, Плужников, 2019, с. 82, 84, 86, 89; Селезнев, Селезнева, 2004, с. 40–42; Функ, 2005, с. 102, 109–116, 132, 142, 152, 159, 181–184, 313].

Представления о сакральных лестницах существенно обогащаются при обращении к их графическим изображениям, выполненным самими шаманами по просьбе этнографов-собирателей. Лестницы на таких изображениях выступают важной вехой на пути шамана. Например, рисунки, изображающие движение шорских шаманов-камов, содержат образы березы с девятью зарубками-*тапты*, символизирующими лестницу, а также лестницы-*тапты* в виде вертикальной основы с девятью поперечными перекладинами-ступенями [Функ, 2005, с. 182–183, рис. 4, 5] (см. *рисунок, 10*).

Селькупские и эвенкийские шаманы использовали для передвижения лестницы в виде бревна или дерева

с зарубками. Серию рисунков и акварелей, иллюстрирующих представления селькупских шаманов о мире и населяющих его духах, опубликовала, сопроводив подробными комментариями, Е.Д. Прокофьева [1961]. Здесь представлена целая россыпь шаманских лестниц: и со ступенями-перекладинами; и в виде дерева с корнями и зарубками; и в форме столба с поперечными зарубками [Прокофьева, 1961, с. 58, 61, 66, рис. 1, 2, 4] (см. *рисунок, 8, 9*). Согласно комментарию Е.Д. Прокофьевой [1961, с. 66; 1977, с. 67], такие «лестницы на небо» в тундре встречались еще в 1960-х гг. В верховьях р. Таз они устанавливались на священных местах и носили характерные названия *номты сырысä по* – «к небу-богу лестница», *сырысä по* – «лестница – для влезания дерево». По форме данные сооружения представляли собой врытые в землю столбы с зарубками.

Недавно, в 2022 г. подобную шамансскую «лестницу на небо» удалось зафиксировать участникам этнографической экспедиции на озере Момчик Красноселькупского р-на ЯНАО. Дерево-лестница оказалось старой засохшей лиственницей с зарубками на стволе. Шаман во время камлания поднимался по ступеням-зарубкам на вершину этого дерева, прыгал оттуда в воду озера и выныривал у острова, расположенного в 150 м от него. Получается, что в данном случае посредством дерева он не только восходил на небо, но и посещал духов подводного мира. Авторы публикации предполагают, что этот сакральный объект был впервые описан еще в 1920-х гг. (без малого 100 лет назад!) этнографами-селькуповедами Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми [Степанова и др., 2022, с. 266–267].

Зарубки (обычно в количестве семи штук), нанесенные на боковые поверхности сакральных скульптур с о-ва Вайгач и других ненецких святилищ стали предметом анализа И.Б. Барышева [2011, с. 31, 188–191] (см. *рисунок, 7*). Автор интерпретировал эти зарубки в качестве символического изображения лестницы, соединяющей миры, и пришел к выводу, что идолы с зарубками на боках могут символизировать мировое дерево, по которому происходит связь с небом, где обитают высшие духи.

Особый интерес представляет получивший распространение в венгерских архаических сказочных текстах образ дерева-лестницы (*éigig érő fa* «достающего до небес дерева») со ступенями-зарубками. По этим ступеням герой забирается на вершину дерева, где находит волшебного помощника – коня-*талтоша*, после чего и сам становится талтошем, обретая особые сверхъестественные возможности. В венгерской этнографической науке сформировалась концепция, согласно которой рассматриваемый сюжет, включая и дерево-лестницу, имеет параллели с сибирскими шаманскими традициями, составляющими основу древне-венгерской языческой системы [Hoppál, 1992, р. 170–181]. Несмотря на резкую

критику [Rócs, 2018, p. 167–168, 179–182], эта идея сохранила свое влияние до настоящего времени. В.В. Напольских [2012, с. 20–22, 27] высказал аргументированное предположение, что представления о шаманских деревьях-лестницах развились из традиции почитания личных деревьев-двойников, широко распространенной в урало-алтайской мифологии и ритуальной практике. Эта же традиция легла в основу культа жертвенных деревьев и священных рощ.

Шаманизм являлся основой доисламской мировоззренческой системы тюркских групп Западно-Сибирской равнины. Об этом бесспорно свидетельствует кейс барабинских татар (столы фундаментально и блистательно изученный В. Диосеги [Diószegi, 1978]), который можно экстраполировать и на другие тюркские группы региона. В культуре сибирских, в т.ч. именно тоболо-иртышских татар весьма развит культ деревьев, выступающих местом обитания духа-хозяина *Ия*. Почитались также священные рощи *Курчак Шоры*, в которых выставлялись куклы *курчак* – изображения семейных и родовых духов-охранителей. Священным деревьям жертвовали монеты и другие мелкие предметы, которые клади в специальное углубление возле ствола. В ряде случаев отдельно стоящие, заметные издалека деревья становились основой исламских святилищ *астана* [Галеева, 2016; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 124, 126, рис. 15, 17; Тихомирова, 2009, с. 230–235]. Сравнительные исследования показывают, что все эти явления создают исходные предпосылки для формирования культа шаманского дерева-лестницы. Содержание и смысл этого культа были вытеснены из народного сознания исламским мировоззренческим суперстратом. Остался лишь один орнаментальный мотив на памятниках, несущих на себе следы синcretичного синтеза исламских и внеисламских по происхождению элементов.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие».

Список литературы

Агапкина Т.А. Лестница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. – М.: Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 100–101.

Балалаева О.Э., Плужников Н.В. Миф о Мировом дреve в шаманстве народов Сибири // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 80–122.

Барышев И.Б. Языческие святилища острова Вайгач. – М: Инт-Наследия, 2011. – 320 с.

Березкин Ю.Е. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 3–18.

Галеева Н.Ф. Почитание деревьев у татар севера Омской области // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. – С. 215–218.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В., Бауло А.В. Монументальные деревянные изваяния из Усть-Войкарского городища (север Западной Сибири): комплексный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – № 1 (50). – С. 126–137.

Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейя, 2005. – 472 с.

Кызыласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 296 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 188 с.

Напольских В.В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 19–28.

Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1961. – Т. 20. – С. 54–74.

Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культуры тазовских селькупов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1977. – Т. 33. – С. 66–79.

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 48–71.

Селезнев А.Г. Образ лестницы в мифе и погребальном ритуале (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 254–260.

Селезнев А.Г. Намогильные орнаментированные столбы тоболо-иртышских татар: некоторые направления исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – С. 950–957.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синcretизма. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 72 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ связанных в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: ИД Марджани, 2009. – 216 с.

Сем Т.Ю. Символика и семантика обрядовой одежды тунгусов (к иконографии богов плодородия) // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. История. – 2007. – № 4. – С. 245–255.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2012. – 626 с.

Сем Т.Ю. Космический олень в нарративах и ритуалах тунгусо-маньчжуротов как архетипический символ // Традиционная культура. – 2020. – Т. 21. – № 4. – С. 112–121.

Степанова О.Б., Галеева Н.Ф., Сумин В.В., Рябичев А.Р. Из полевого отчета экспедиции 2022 г.: культовые объекты на озере Момчик // Современная научная мысль. – 2022. – № 5. – С. 262–268.

Тихомирова М.Н. Почитание деревьев у заболотных татар // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск: Наука, 2009. – С. 230–236.

Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М.: Hayka, 2005. – 398 с.

Шемякин М. Лестница в искусстве. – СПб.: Фонд художника Михаила Шемякина, 2020. – Т. 1. – 348 с.: илл.; – Т. 2. – 376 с.: илл.

Bea M., Roman D., Domingo I. Hanging over the Void. Uses of Long Ropes and Climbing Rope Ladders in Prehistory as Illustrated in Levantine Rock Art // Cambridge Archaeological J. – 2023. – N 34 (1). – P. 127–145.

Diószegi V. Pre-Islamic shamanism of the Baraba Turks and some ethnogenetic conclusions // Shamanism in Siberia. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978. – P. 83–167.

Hoppál M. The role of shamanism in Hungarian ethnic identity // Siikala A.-L., Hoppál M. Studies on Shamanism. – Helsinki: Finnish Anthropological Society; Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992. – P. 169–181.

Pócs É. The Hungarian Táltos and the Shamanism of Pagan Hungarians. Questions and Hypotheses // Acta Ethnographica Hungarica. – 2018. – N 63 (1). – P. 149–196.

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. Etymological dictionary of the Altaic languages. – Leiden, Boston: Brill, 2003. – 1556 p.

References

Agapkina T.A. Lestnitsa. In *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. Vol. 3. P. 100–101. (In Russ.).

Balalaeva O.E., Pluzhnikov N.V. The Myth of the World Tree in the Shamanism of Siberian Peoples. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019. No. 3. P. 80–122. (In Russ.).

Baryshev I.B. Yazycheskie svyatilishcha ostrova Vaigach. Moscow: Institut Naslediya, 2011. 320 p. (In Russ.).

Bea M., Roman D., Domingo I. Hanging over the Void. Uses of Long Ropes and Climbing Rope Ladders in Prehistory as Illustrated in Levantine Rock Art. *Cambridge Archaeological J.*, 2023. No. 34 (1). P. 127–145.

Berezkin Y.E. Mythological Trees in the Forest of Culture. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012. No. 6. P. 3–18. (In Russ.).

Devlet E.G., Devlet M.A. Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. Moscow: Aleteya, 2005. 472 p. (In Russ.).

Diószegi V. Pre-Islamic shamanism of the Baraba Turks and some ethnogenetic conclusions. In *Shamanism in Siberia*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978. P. 83–167.

Dyrenkova N.P. Turkic peoples of Sayano-Altai. Articles and ethnographic material. St. Petersburg: Nauka, 2012. 408 p. (In Russ.).

Funk D.A. Miry shamanov i skazitelei: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov. Moscow: Nauka, 2005. 398 p. (In Russ.).

Galeeva N.F. The worship of trees among the Tatars in the North of the Omsk region. In *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*. Tyumen: Tumen State Univ. Press, 2016. P. 215–218. (In Russ.).

Garkusha Y.N., Novikov A.V., Baulo A.V. Monumental wooden statues from the Ust-Voikary fortified settlement, northwestern Siberia: a multidisciplinary analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2022. No. 50 (1). P. 126–137. (In Russ.).

Hoppál M. The role of shamanism in Hungarian ethnic identity. In Siikala A.-L., Hoppál M. *Studies on Shamanism*. Helsinki: Finnish Anthropological Society; Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992. P. 169–181.

Kyzlasov L.R. Drevneishaya Khakasiya. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1986. 296 p. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Rez'ba po derevu v skifskoe vremya (Severnaya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. 188 p. (In Russ.).

Napolskikh V.V. Mythologema of the World Tree and Mythology of the Peoples of the Uralic Language Family. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012. No. 6. P. 19–28. (In Russ.).

Pócs É. The Hungarian Táltos and the Shamanism of Pagan Hungarians. Questions and Hypotheses. *Acta Ethnographica Hungarica*, 2018. No. 63 (1). P. 149–196.

Prokofeva E.D. Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam). In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 1961. Vol. 20. P. 54–74. (In Russ.).

Prokofeva E.D. Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 1977. Vol. 33. P. 66–79. (In Russ.).

Savinov D.G. The Torgazhak pebbles: Principal aspects of their study and interpretation. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003. No. 2 (14). P. 48–71. (In Russ.).

Seleznev A.G. Obraz lestnitsy v mife i pogrebal'nom rituale (k postanovke problemy). In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii*. Omsk: Omsk State Pedagog. Univ. Press, 1999. P. 254–260. (In Russ.).

Seleznev A.G. Ornamented On-grave Posts of the Tobol-Irtysh Tatars: Particular Research Areas. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2024. Vol. XXX. P. 950–957. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 72 p. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. Kul't svyatых v sibirskom islamie: spetsifika universal'nogo. Moscow: Mardzhani Publ. House, 2009. 216 p. (In Russ.).

Sem T.Y. Simvolika i semantika obryadovoy odezhdy tungusov (k ikonografii bogov plodorodiya). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, series 2, 2007. No. 4. P. 245–256. (In Russ.).

Sem T.Y. The Tungus worldview: The Pantheon (Semantics of Images and Ethno-cultural Relations). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2012. 626 p. (In Russ.).

Sem T.Y. Cosmic deer as an Archaic Symbol in the Narratives and Rituals of the Tungus-Manchus. *Traditional Culture*, 2020. Vol. 21, No. 4. P. 112–121. (In Russ.).

Shemyakin M. Lestnitsa v iskusstve. – St. Petersburg: Mikhail Shemyakin Artist Foundation, 2020. Vol. 1. 348 p., ill; Vol. 2. 376 p., ill. (In Russ.).

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, Boston: Brill, 2003. 1556 p.

Stepanova O.B., Galeeva N.F., Sumin V.V., Ryabitsev A.R. From the field report of the 2022 expedition: cult objects on lake Momchik. *Modern scientific thought*, 2022. No. 55. P. 262–268. (In Russ.).

Tikhomirova M.N. Pochitanie derev'ev u zabolotnyh tatar. In *Ethnographo-archaeological complexes: Problems of Culture and Socium*. Omsk: Nauka, 2009. P. 230–236. (In Russ.).

Селезнев А.Г. <https://orcid.org/0000-0001-6096-7190>

Дата сдачи рукописи: 12.09.2025 г.